

РЕЦЕНЗИИ

ЭО, 2012 г., № 5

© **О.Б. Наумова**. Рец. на: *Историко-культурный атлас казахского народа* / Отв. ред. И.В. Ерофеева. Алматы: Print-S, 2011. 300 с., ил., планы, карты, табл.

Книга написана коллективом авторов Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия кочевников. Этот институт был создан Нурбулатом Эдигеевичем Масановым (1954–2006), крупнейшим казахстанским историком и этнологом, ученым мирового уровня, к сожалению, безвременно ушедшим из жизни. Выдающимся вкладом Н.Э. Масанова в науку стало создание концепции кочевнического общества казахов, обладающей большой объяснительной силой. Детальный анализ производственного цикла и социальной организации кочевников позволил ему выйти на понимание закономерностей функционирования кочевнического социума. В его работах кочевная цивилизация казахов, а именно так был назван его основной труд, предстает системой, все компоненты которой связаны между собой и каждая деталь находит свое логическое объяснение. Именно Н.Э. Масанов был вдохновителем идеи, положенной в основу рассматриваемой книги, – представить “основы кочевой культуры, казалось бы неуловимой, не оставляющей видимых следов своего существования... в реальных очертаниях маршрутов перекочевки, бесчисленных степных дорог, связывавших мир кочевников с окружающими их цивилизациями, и, наконец, остатков ныне покинутых зимовок, полуразрушенных и забытых потомками могил предков” (с. 3). Таким образом, стройная теория кочевнического общества обросла “мясом” реальных памятников, которые можно зафиксировать, измерить и обозначить на карте, в результате чего мы имеем весомый (в том числе и в прямом смысле – книга весит почти 3 кг) вклад в историко-культурное исследование кочевничества¹.

Книга состоит из нескольких блоков, в разной степени связанных между собой: текстов четырех глав, иллюстраций, карт и “Реестра недвижимых памятников материальной культуры”.

Четыре главы текстовой части отражают продуманную авторами логику исследования: природа – территория – население – памятники. Открывает книгу глава “Геоморфологическое строение и природные ландшафты Казахстана”, написанная геологами Б.Ж. Аубекеровым, С.А. Нигматовой и Л.Л. Кузнецовой. По природно-климатическим и экологическим условиям авторы делят территорию Казахстана на шесть регионов – Северный, Западный, Центральный, Южный, Семиречье и Восточный, которые служат основой для рассмотрения в следующих разделах специфики кочевнического хозяйства и объектов культуры казахов. По регионам составлены карты (1.0–1.6), послужившие основой для нанесения зимовок, колодцев, кочевых путей и т.д.

Глава вторая “Исторические этапы формирования геополитического и социокультурного пространства казахского народа” (авторы К.З. Ускенбай, И.В. Ерофеева и Б.Т. Жанаев) призвана показать, как менялись этнополитические границы казахских государственных образований и окружающих их соседей и постепенно сформировалась территория обитания казахов-кочевников, на которой и создавались те памятники кочевнической культуры, которые являются предметом исследования. Собственно это – четкое и ясное изложение сложных перипетий казахской истории со второй половины XV по начало XX в., построенное на широком круге источников, в том числе архивных материалах, и с учетом новейших исследований в этой области. Прекрасно показано довольно запутанное административно-территориальное деление Казахстана, которое на протяжении полутора веков претерпело значительные изменения. Эта глава снабжена четырьмя картами (2.1–2.4), соответствующими тем периодам, которые рассматриваются как этапы формирования геополитического пространства казахов (вторая половина XV – начало XVII в.; середина XVII – первая половина XVIII в.; середина XVIII – первая половина XIX в.; вторая половина XIX – начало XX в.).

Третья глава “Пространственно-территориальная локализация казахов-кочевников”, написанная Н.Э. Масановым, представляет собой расширенный вариант соответствующего раздела его книги (Масанов 1995: 55–64; 2011: 93–276), который автор дорабатывал до последних дней

Ольга Борисовна Наумова – к.и.н., старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: olganaumova@mail.ru

жизни. Глава содержит подробное описание родоплеменной структуры казахов, выяснение по разным источникам численности и территорий кочевания всех генеалогических групп. Очень жаль, что “Атлас” не содержит карты расселения казахских племен и родов, которую можно было бы составить на основе детальной информации, содержащейся в этой главе. Вызывает сожаление и отсутствие карты с обозначением границ уездов (их можно было бы нанести на карту 2.4.) на территории Казахстана, так как именно к родоплеменной принадлежности и уездам привязывают описание тех или иных памятников и путей кочевков авторы последующих разделов.

Первые три главы книги можно считать вводными к основной – четвертой главе “Памятники материальной культуры” (авторы – И.В. Ерофеева, Э.Р. Усманова, З.С. Бояубаева, Е.Ж. Оразбек, Л.В. Дубровская, Е.Х. Хорош, Ж.М. Джампеисова, Г.С. Султангалиева, Д.С. Каппасова, М.Б. Кожа, А.Е. Рогожинский). В ней рассматриваются памятники как кочевой (разделы “Кыстау”², “Жайлау”³, “Колодцы”, “Маршруты перекочевок”, “Караванные пути”), так и оседлой культуры казахов (разделы “Памятники земледельческой культуры”, “Памятники городской культуры”), а также петроглифы. Эта глава проиллюстрирована 109 рисунками, разбитыми на блоки, соответствующие разделам текста. Иллюстрации заслуживают самой высокой оценки. По большей части это очень качественные фотографии – разных типов колодцев, жилищ, петроглифов и других объектов, о которых идет речь в четвертой главе. Впечатляют аэрофотоснимки каналов и кяризов; есть и старинные рисунки. (Жаль только, что в тексте, кроме раздела о караванных путях, нет отсылок к рисункам.)

Четвертой главе соответствуют карты 3.0–3.6 “Зимовки (кыстау) и колодцы. Вторая половина XIX – начало XX в.”, карта 4.1 кочевых маршрутов и карта 4.2 караванных путей. Этими картами авторы “Атласа” создали, по сути, новый источник для этнокультурного исследования казахов, и в этом их огромная заслуга. Карты составлены на основе четырех крупномасштабных десятиверстных карт Акмолинской и Семипалатинской обл. и Туркестанского края с привлечением мелкомасштабных карт XIX в. Однако с этими же картами связаны и некоторые претензии к авторам. Хотелось бы видеть более содержательную характеристику карт-источников. Кроме того, интересна и методика авторов “Атласа” по нанесению памятников на собственные карты: были ли критерии отбора объектов; как решался вопрос совмещения хронологически несопадающих карт-источников, ведь они охватывают разные временные периоды – самая ранняя относится ко второй половине XIX в., а поздняя – к 1924–1936 гг. Насколько правомерным было переносить разновременную информацию на одну карту? Жанр “Атласа” как раз предполагает наличие объяснительных записок к картам, в которых и можно было бы осветить эти и другие вопросы. Тексты же четвертой главы не дают объяснений, и вообще связь разделов (кроме раздела “Караванные пути”) с соответствующими картами очень слаба – к ним нет ни одной отсылки.

Таким образом, введенный авторами в науку оригинальный материал в виде карт еще ждет своего исследователя. Думается, ему в первую очередь придется сравнивать их с аналогичными по тематике картами казахстанских авторов, работавших в 1970-х гг. над историко-этнографическим атласом и составивших карты на основе собственных полевых материалов и литературных источников (Хозяйство... 1980: карты).

Но вернемся к четвертой главе. Она представляет собой очерки казахского хозяйства (скотоводства и земледелия как дополнительного занятия) с древнейших времен до начала XX в. Прекрасно показан весь производственный цикл кочевников и связанные с ним памятники, которые представлены не отдельными материальными объектами, но в историческом и социокультурном контексте. Так, зимовки, например, рассмотрены в том числе и в социально-правовом аспекте, и как знак социального статуса. Естественно, что это не исключает детального описания и типологизации объектов, которым авторы уделяют достаточно внимания. Как и в других главах, авторы привлекают широкий круг источников и последние работы по исследуемому вопросу. В укор им можно поставить то, что собственный полевой материал акцентируется слабо, а в разделе “Кыстау”, авторы которого много места уделяют типологии казахских стационарных жилищ, не использована основная монография по этому вопросу (*Восторов, Захарова* 1989).

Если у авторов разделов о зимовках и летовках, колодцах, кочевых и караванных путях и даже раздела о земледельческой культуре казахов этническая принадлежность памятников, о которых они писали, не вызывала сомнений, то автор раздела “Памятники городской культуры” попал в трудное положение. Он должен был убедить читателей, что древности городов являются памятниками культуры казахов-кочевников: “Хотя большинство известных по письменным ис-

точникам и археологическим исследованиям южноказахстанских городов возникли задолго до завершения образования казахской народности, создавались в основном оседлым населением ближайших к ним оазисов... их археологические остатки являются историко-культурными памятниками казахов. Это объясняется тем, что история присырдарьинских городов тесно связана с процессом становления и развития казахского государства, культурными традициями кочевого общества казахов, с материальной и духовной культурой казахского народа” (с. 162). Думаю, что аргумент “тесно связаны” работает плохо – почему тогда авторы “Атласа” не включили в свой “Реестр” памятники Ташкента, хотя он был теснейшим образом связан с историей казахов, или самый известный мавзолей Казахстана – Ходжи Ахмета Ясави?

Обратим внимание и на то, что авторы дают этнокультурную атрибуцию объектов как памятников казахов-кочевников. В связи с этим нельзя не вспомнить мнение Н.Э. Масанова – очень спорное, но неизменно им отстаивавшееся – о том, что, оседая, казахи переставали быть казахами (Масанов 1995: 247; 2011: 548). Думается, что авторы “Атласа” и во второй главе, описывая борьбу казахов за присырдарьинские города и ставки казахских ханов и султанов, и в рассматриваемом разделе о городской культуре убедительно доказали обратное. Хорошим аргументом могут служить приведенные примеры урбонимов, вошедших в названия родоплеменных подразделений казахов, а также информация об инфильтрации групп кочевников-казахов в состав городского населения (с. 164.) Все же, очевидно, что настойчивое желание определить памятники по этническому признаку непродуктивно. Территориальная же привязка памятников, и особенно объектов неоднозначного происхождения, дает возможность проследить их возникновение, формирование и историю во всей их сложности⁴.

Заключительным разделом “Атласа”, помещенным в Приложении, является “Реестр недвижимых памятников материальной культуры”. Ему соответствуют карты 5.0–5.6 “Недвижимые памятники материальной культуры казахов-кочевников”, на которые нанесены все памятники из “Реестра” (с. 182). Авторами была проведена очень большая работа: в “Реестр” внесены 1173 (!) памятника, и подавляющее их большинство были обнаружены и зафиксированы сотрудниками Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия nomadov. К сожалению, такой огромный труд – сбор полевого материала – никак не охарактеризован: где, когда, по каким программам и методикам собиралась информация, в каком виде она представлена в научном архиве института – ведь понятно, что в “Реестр” включены только самые краткие сведения.

“Реестр” представляет собой таблицу, включающую следующие графы: номер памятника, административный район, название местности, вид памятника, краткое описание памятника, датировка, дата исследования, источник. Все памятники разбиты по областям. Было бы хорошо, если бы “Реестр” сопровождался какой-то запиской, в которой объяснялись бы, например, критерии отбора памятников, давалось бы определение видов памятников и т.п. Дело в том, что к графе “вид памятника”, которая насчитывает более 40 наименований, возникает много вопросов. Почему, например, в нее не включены плотины, кяризы, водоподъемные сооружения, акведуки и т.п., хотя в книге есть прекрасные фотографии кяризов и арыков, и М.Б. Кожа, автор раздела “Памятники земледельческой культуры”, перечисляет различные ирригационные сооружения, которые сохранились в настоящее время, и подробно говорит об их местоположении (с. 161).

С другой стороны, так как мы не имеем определения того или иного вида памятника, то кажется, что некоторые виды дублируют друг друга. Чем, например, “зимовка” отличается от “кыстау”, и чем они отличаются от “поселения” и “комплексного поселения” (по описаниям не ясно), в чем разница между “некрополем” и “могильником” (а есть еще “кладбище”), “зиратом” и “мавзолеем”, “башней” и “мунарой”? Кстати, на картах есть значок “могильники”, и не ясно, включает ли он некрополи, кладбища и отдельные могилы, или же они обозначены значком “другие виды памятников”?

Не совсем ясно также, почему некоторые памятники, упомянутые в тексте и изображенные на фото, отсутствуют в “Реестре” – например, петроглифы на рис. 102 и 103, знаменитый камень с петроглифами Тамгалытас (рис. 90–94), колодец Уванас (рис. 45). В то же время почему-то в “Реестр” попало татарское кладбище (№ 603).

Думается, что “Реестр” со временем будет уточняться и пополняться новыми памятниками. Сейчас в нем отсутствуют памятники Атырауской и Костанайской обл. Вероятно, сотрудники института там не работали, однако можно было бы использовать опубликованные Своды памятников, как это сделано по другим областям. Например, в Свод памятников Атырауской обл. включены мавзолей Жубана 1880–1898 гг. в Жылыойском р-не и не раз упоминавшееся

авторами в тексте городище Сарайчик XIII–XVI вв. в Махамбетском р-не. В заполнении этой лакуны авторам мог бы помочь и фундаментальный труд С.Е. Аджигалиева, который выявил и картографировал большое количество памятников Арало-Каспийского региона (*Ажигали* 2002: 24–27).

Нет сомнения, что работа по обнаружению, описанию, типологизации и картографированию памятников важна для каждого народа, но особую значимость она приобретает для степняков-кочевников – материальные следы цивилизации номадов быстро разрушаются и исчезают. Авторам “Историко-культурного атласа казахского народа” удалось привлечь внимание исследователей к этим проблемам, зафиксировать и картографировать многие оставшиеся памятники, обогатить наше понимание истории и культуры номадов. Однако очевидно, что научные изыскания в этом направлении должны быть продолжены.

Примечания

¹ Справедливости ради заметим, что опыт систематического выявления и картографирования памятников, связанных с казахской кочевой культурой, был предпринят еще в 1970-е гг. в связи с работой над Историко-этнографическим атласом Средней Азии и Казахстана (Хозяйство... 1980).

² Каз. “зимовка”.

³ Каз. “летовка”.

⁴ Недаром Своды памятников истории и культуры, работа над которыми во всесоюзном масштабе началась еще в 1983 г., должны были формироваться только по административно-территориальным единицам (Указания... 1984: 8–9).

Литература

- Ажигали* 2002 – *Ажигали С.Е.* Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: Научно-издательский центр “Гылым”, 2002. 654 с.
- Востров, Захарова* 1989 – *Востров В.В., Захарова И.В.* Казахское народное жилище. Алма-Ата: Наука, 1989. 181 с.
- Масанов* 1995 – *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов: Основы жизнедеятельности nomадного общества. М.: Горизонт; Алматы: Социнвест, 1995. 320 с.
- Масанов* 2011 – *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов: Основы жизнедеятельности nomадного общества / Сост. Л.Е. Масанова, И.В. Ерофеева. Изд. 2-е, доп. Алматы: Print-S, 2011. 740 с.
- Хозяйство... 1980* – *Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX вв.*: Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата: Наука, 1980. 256 с., карты.
- Указания... 1984* – *Указания по подготовке материалов Свода памятников истории и культуры народов СССР.* М., 1984.

ЭО, 2012 г., № 5

© **С.В. Соколовский.** Рец. на: *Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. К 70-летию академика В.А. Тишкова* / *Губогло М.Н., Дубова Н.А. (сост.)* М.: Наука, 2011. 670 стр.

Подготовленный коллегами академика В.А. Тишкова – учеными, политиками, публицистами – том содержит 47 статей, объединенных составителями в три больших раздела (“Образы России”, “Идентичность в современном этнологическом знании” и “Российские идентичности: ретроспективы и перспективы”), а также полную библиографию научных трудов юбиляра. Тема издания избрана составителями весьма удачно, поскольку хорошо отражает основную сферу научных интересов и тематику публикаций В.А. Тишкова последней четверти века. Принятый в